

Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы

Карпенко Ю. О., Шумилов М. М.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель работы — выяснение основных параметров и современного состояния институционализации международной антитеррористической деятельности на евразийском пространстве. При этом главное внимание авторов сосредоточено на организационно-правовых аспектах институционализации борьбы с терроризмом в форматах СНГ, ОДКБ и ШОС. В рамках заявленной проблематики авторы определяют и характеризуют проблемное поле формирования устойчивой системы взаимодействия между различными антитеррористическими структурами на евразийском пространстве в контексте существующих моделей институционализации антитеррористического сотрудничества. В статье получили обоснование предположения относительно институционализации и возможных перспектив евразийской антитеррористической инициативы, роли России в ходе ее реализации.

Ключевые слова: терроризм, евразийское пространство, СНГ, ОДКБ, ШОС, институционализация

Для цитирования: Карпенко Ю. О., Шумилов М. М. Институционализация антитеррористического сотрудничества на евразийском пространстве: проблемы и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 88 – 103.

Institutionalization of Counter-Terrorism Cooperation in the Eurasian Area: Current Issues and Prospects

Julia O. Karpenko, Mikhail M. Shumilov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; * mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

The objective is to define the main parameters and current state of the institutionalization of international anti-terrorist activities in the Eurasian area. At the same time, the authors focus is on the institutional and legal aspects of institutionalizing the fight against terrorism in formats of CIS, CSTO, SCO. Also, the article defines and characterizes the problematic field of the stable system formation for interaction between different anti-terrorist structures in the Eurasian space in the context of existing institutionalization models of anti-terrorist cooperation (UN, NATO, EU, etc.). Authors justified the assumptions about the institutionalization and possible prospects of the Eurasian anti-terrorist initiative and the role of Russia in its implementation.

Keywords: terrorism, Eurasian area, CIS, CSTO, SCO, institutionalization.

For citing: Karpenko J. O., Shumilov M. M. Institutionalization of Counter-Terrorism Cooperation in the Eurasian Area: Current Issues and Prospects // Eurasian Integration: economic, law, politics. 2021. No. 1. Pp. 88 – 103.

За последние десятилетия Россия и государства Центральной Азии (далее — ЦА) выработали ряд довольно эффективных контртеррористических механизмов. Вместе с тем сохраняющиеся проблемы межгосударственной кооперации и угроза террористической активности обуславливают необходимость усиления совместной работы в этом направлении. Более того, контртеррористическая защищенность евразийского пространства является важнейшим условием безопасного развития Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС). Следовательно, институционализация контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве, в рамках которого Россия как структурообразующее ядро Большой Евразии играет особую роль, требует дальнейшего изучения [19, с. 65].

Проблема обеспечения региональной безопасности имеет множество аспектов, среди которых все более актуальным становится поиск надежных, адекватных вызовам и угрозам современности механизмов коллективного противодействия терроризму. При этом главным источником терроризма остается территория Афганистана. Существующие здесь очаги региональной нестабильности, сращивание наркобизнеса с террористическими организациями, обеспечивающими переправку крупных партий наркотических средств, использование международными террористическими организациями маршрутов контрабанды наркотиков для переброски боевиков представляют собой угрозу не только евразийской, но и глобальной безопасности¹ [33]. В этой связи секретарь Совбеза России Н. П. Патрушев на ежегодной встрече секретарей советов безопасности государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) в Бишкеке в мае 2019 г. предложил сформировать на базе Региональной антитеррористической структуры ШОС (далее — РАТС ШОС) универсальный центр по борьбе с глобальными вызовами и угрозами, а также напомнил о предложении Таджикистана создать в Душанбе Антинаркотический центр ШОС².

Актуальность этих предложений трудно переоценить. По словам российского политолога А. В. Манойло, реализация предложения о создании наднационального «универсального центра» ШОС, нацеленного противостоять сетевому терроризму, международной наркоторговле и гибридным объединениям наркокартелей и международных террористических организаций, позволит обеспечить безопасность России на дальних рубежах [23]. В ноябре 2020 г. в рамках саммита глав государств — участников ШОС президент Таджикистана Эмомали Рахмон назвал актуальным создание в Душанбе центра ШОС по борьбе с наркотрафиком³.

В качестве отправной точки изучения данной проблемы для ясности дискурса и раскрытия исследовательской логики необходимо, прежде всего, уточнить два вопроса, а именно: определить содержание понятия «евразийское пространство» в тематическом контексте и очертить границы исследуемого проблемного поля.

Действительно, дать однозначное определение тому, что есть евразийское пространство, — задача непростая. Обзор литературы и многочисленные примеры становящихся все более популярными в гуманитарном знании междисциплинарных исследований свидетельствуют о широком использовании понятия «евразийское пространство». Тем не менее, несмотря на высокую частоту употребления, само понятие, как правило, авторами не раскрывается [34]. Как следствие, на сегодняшний день можно утверждать, что научным сообществом не сформулирована общепризнанная дефиниция этой терминологической единицы [35, с. 28–29]. Вместе с тем содержание «евразийского пространства» в зависимости от характера исследования в целом может быть конкретизировано в географических, экономических или геополитических терминах.

Поскольку институционализация контртеррористического сотрудничества имеет в первую очередь международно-политический характер, понятие «евразийское пространство» в такой логике приобретает,

¹ Патрушев предложил создать в ШОС универсальный центр по борьбе с глобальными угрозами [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 15 мая. URL: <https://tass.ru/politika/6431044> (дата обращения: 06.01.2021).

² Там же.

³ Рахмон назвал актуальным создание в Душанбе Антинаркотического центра ШОС [Электронный ресурс] // Sputnik Таджикистан. 2020. 10 ноября. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20201110/1032244298/Rakhmon-sozdanie-Dushanbe-Antinarkoticheskii-tsentr-ShOS.html> (дата обращения: 06.01.2021).

соответственно, геополитическое измерение. Иными словами, мы имеем дело с традиционным подходом в геополитике: с оценкой влияния географического фактора на политические процессы [37].

Близким по значению «евразийскому пространству» является термин «Евразийский регион». Следует согласиться с мнением эксперта Российского совета по международным делам (РСМД) И. Ю. Кравченко о том, что, согласно риторике Белого дома и Государственного департамента, он охватывает бывшие республики СССР, точнее, «государства Центральной Азии вместе с Россией» [22]. Российский социолог М. В. Рыбакова ограничивает Евразийский регион рамками постсоветского пространства, «куда входят страны, получившие независимость после распада СССР» [28, с. 105]. Заведующий Евразийским сектором ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Ю. К. Кофнер определяет рамки пространства евразийской интеграции «Малой Евразией» — постсоветским пространством, условно совпадающим с территорией бывшего Советского Союза: «Когда мы говорим о “современной евразийской интеграции” ...мы имеем в виду преимущественно региональные процессы именно этой территории» [21].

Таким образом, сквозь призму геополитики в контексте исследуемой проблемы евразийское пространство можно определить в качестве геополитической среды институционализации контртеррористического сотрудничества, а в качестве ее условных границ в настоящем исследовании мы ограничимся территорией 12 государств постсоветского пространства (без стран Балтии), имеющих общую государственно-политическую историю и теснейшие экономические и культурные связи. Кроме того, эвристическая ценность геополитического «восприятия» евразийского пространства заключается в более глубоком понимании проблемных аспектов институционализации коллективного противодействия терроризму с точки зрения их национальных интересов, экономико-географической, социальной и культурно-религиозной специфики.

Здесь же отметим, что государства — участники евразийского интеграционного процесса в географическом отношении расположены достаточно близко к глобальным очагам нестабильности. Это, в свою очередь, обуславливает наличие чрезвычайно опасных рисков террористического характера для всех новых независимых постсоветских государств. Авторы книги «Оправдание евразийской интеграции» (2015 г.) справедливо отмечают, что в вооруженных формированиях ИГИЛ¹ изначально участвовали граждане РФ и стран ЦА. Наряду с этим для евразийских государств проблема афганского наркотрафика, особенно после ухода НАТО с территории Афганистана, остается не только нерешенной, но и малоуправляемой [25, с. 59; 33].

В дополнение к терминологической конкретизации и оценке геополитической составляющей в институциональных процессах реалистическая оценка международного сотрудничества в целях минимизации существующих и потенциальных угроз террористического характера требует должного учета предварительных условий возникновения этих угроз и историко-геополитической специфики самого евразийского пространства как части бывшего СССР, а также произвести оценку террористической угрозы, ее текущего состояния.

При этом набор различных негативных социально-экономических, политических и религиозно-культурных показателей, характеризующих эволюцию терроризма на евразийском пространстве, следует рассматривать в качестве факторов активизации террористической угрозы. Эти факторы в значительной степени определяют возникновение, актуальное и перспективное состояние терроризма и должны быть в фокусе внимания при выработке стратегии институционализации контртеррористической политики. Также нельзя игнорировать социально-культурную природу терроризма и его мировоззренческие основания, вне понимания и учета которых эффективная региональная кооперация государств в сфере противодействия террористическим угрозам едва ли возможна.

Анализ научной литературы и материалов специализированных сайтов позволяет выделить основные причины — факторы формирования условий для развития терроризма на евразийском пространстве, главными в числе которых можно назвать глубокие социально-экономические и политические потрясения, вызванные распадом СССР. Эти факторы определили кардинальную перестройку всей системы

¹ Деятельность организации в Российской Федерации запрещена.

отношений внутри общества, рост социального расслоения и напряженности, безработицы, миграции и иммиграции способствовали формированию базы потенциальных кадров вербовки со стороны террористических ячеек и содействовали их вовлечению в этот процесс с применением интернет-технологий.

Электронно-информационные технологии, развитие которых на евразийском пространстве хоть и неравномерно, но в целом вошло в активную фазу увеличения числа пользователей с акцентом на молодежь после 2003–2005 гг., позволили осуществить перенос действий из пространства традиционного физического насилия в пространство информационно-ценностных систем [12, с. 122–123]. Уровень развитости интернет-инфраструктуры значительно опережает базовые социально-экономические показатели благополучия жизни граждан, что способствует росту числа потенциальных жертв вербовки (психологической обработки).

В условиях идеологического хаоса, свойственного современным процессам деглобализации, с одной стороны, и социальных последствий глобализации, негативно отразившихся на начальном этапе становления новой государственности в странах СНГ по причине катастрофического провала рыночной доктрины [32] — с другой, религиозный и культурный факторы, к сожалению, не получают соответствующего изучения и контроля со стороны государственных структур и гражданского общества. Наконец, пандемия коронавируса вызывает существенные изменения в международной террористической активности, в том числе на территории России и всего евразийского пространства¹.

В австралийском Институте экономики и мира (ИЭМ) выдвинули предположение о том, что измерение террористической угрозы может стать ключом к пониманию этого явления, что позволит с большей эффективностью противодействовать этой угрозе. Анализ данных, публикуемых ИЭМ, позволяет сделать ряд выводов о состоянии террористической угрозы на евразийском пространстве (см. таблицу).

Таблица

Россия и Евразия. Глобальный индекс терроризма (ГИТ) в динамике за 2002–2018 гг. [36, с. 42]

Страны	Общий индекс	По региону	Изм. 2002–2018 гг.	Изм. 2016–2018 гг.
Украина	5,547	24	3,961	-0,501
Россия	4,900	37	-1,933	-0,330
Таджикистан	3,947	50	1,212	1,714
Казахстан	1,566	85	1,184	-0,662
Киргизия	1,467	87	-0,340	-0,252
Грузия	1,335	90	-1,498	-0,087
Армения	1,173	94	0,053	-0,519
Азербайджан	0,698	103	-0,868	-0,259
Молдова	0,115	123	0,077	-0,114
Узбекистан	0,019	135	-2,068	-0,019
Беларусь	0,000	138	-0,229	0,000
Туркменистан	0,000	138	-0,229	0,000

Как видно из данных таблицы, девять из двенадцати государств евразийского пространства за период 2016–2018 гг. улучшили показатели глобального индекса терроризма (далее — ГИТ), тогда как две страны — Беларусь и Туркменистан сохранили свой нулевой показатель терроризма. В то же время ГИТ в Таджикистане увеличился, что свидетельствует о повышении уровня террористической угрозы в этом государстве. В числе стран с наиболее высоким показателем ГИТ оказались, согласно данным сводной таблицы, Украина и Российская Федерация. Казахстан, Армения, Украина, Российская Федерация и Азербайджан в целом демонстрировали позитивную динамику. Так, на территории Казахстана за период с 2016 по 2018 г. обошлось без терактов.

¹ Глава Антитеррористического центра СНГ: террористы используют усталость от пандемии [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 29 июня. URL: <https://tass.ru/interviews/8823371> (дата обращения: 04.01.2021).

Статистические данные, представленные в отчетах ИЭМ за 2019–2020 гг., свидетельствуют о том, что наибольшие показатели ГИТ среди государств евразийского пространства сегодня у Российской Федерации и Казахстана. Это в целом соответствует показателям за период 2002–2018 гг. Наименьшие — у Беларуси и Армении (см. рисунок).

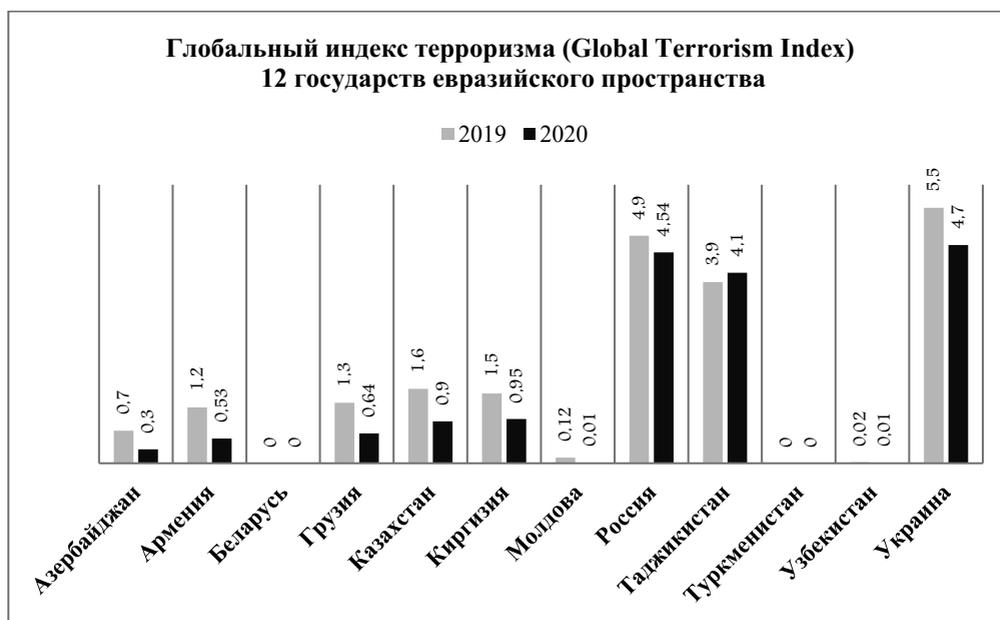

Рис. Глобальный индекс терроризма 12 государств евразийского пространства: 2019 и 2020 гг.¹

Таким образом, изучив факторы развития террористической угрозы на евразийском пространстве и оценив ее текущее состояние, можно перейти к непосредственному рассмотрению процесса институционализации контртеррористического сотрудничества, его проблемных аспектов и перспектив.

Исходя из общего подхода к пониманию процесса институционализации того или иного межгосударственного сотрудничества, следует отметить, что она подразумевает, прежде всего, трансформацию конкретного политического феномена (или процесса) в специализированные международные политические, экономические, судебные, иные институты. Как правило, институционализация межгосударственной кооперации сопровождается закреплением отношений [11, с. 55], то есть систематизацией возникающих в процессе межгосударственной кооперации отношений, формированием организационной структуры и принципов сотрудничества [27, с. 19–20].

В отношении институционализации контртеррористической политики на изучаемом нами политическом пространстве Евразии, таким образом, следует говорить об универсализации организационно-правовой базы борьбы с террористическими угрозами и развитии новых коллективных принципов совместной работы и использования совокупного политического, военного, материально-технического и иного потенциала в целях обеспечения контртеррористической защищенности соответствующих государств.

Институционализация контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве складывается из различных компонентов геометрии этого сотрудничества: 1) нормативно-правовая база коллективного противодействия терроризму (национальное законодательство, межгосударственные акты в форме договоров, соглашений, деклараций и т. д., соответствующие международно-правовые акты Организации Объединенных Наций (ООН) — универсальной международной организации; 2) деятельность обеспечивающих контртеррористическую безопасность институтов — Организации Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ), Антитеррористического центра государств СНГ (далее —

¹ Составлено авторами на основании статистических данных Global Terrorism Index Reports 2019, 2020. IEP Official website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economicsandpeace.org/reports/> (дата обращения 06.01.2021).

АТЦ СНГ), ПАТС ШОС и др. При анализе этих компонентов необходимо уделять внимание институционализирующим принципам взаимодействия государств в совместной борьбе с терроризмом. Итак, рассмотрим последовательно эти компоненты.

Как отмечают ученые-правоведы, изучающие проблемы современного контртеррористического законодательства, на сегодняшний день для правовой науки и практики становится все более актуальным разработка понятия «антитеррористическая правовая политика» в рамках совершенствования теоретических подходов к обеспечению национальной и общественной безопасности [16, с. 3]. В рамках такого правового осмысления контртеррористического сотрудничества евразийских государств и различных аспектов его институционализации создание правовых и политических институтов, обеспечивающих сбалансированность законодательной интеграции, невозможно без должной нормативно-правовой базы коллективного противодействия терроризму.

Глобальным примером модели эффективной организационно-правовой институционализации международного антитеррористического сотрудничества является деятельность ООН по борьбе с терроризмом. Вслед за трагическими событиями сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН постепенно превратился в ключевого актора институционализации нормативно-правовой базы по вопросам борьбы с терроризмом на мировом уровне [26, с. 70]. Прежде всего, здесь следует указать Резолюцию Совбеза ООН 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г., которая значительно укрепила правовой фундамент для объединения коллективных усилий государств в сфере противодействия угрозам терроризма. Резолюция обязательна для исполнения всеми государствами — членами ООН и устанавливает рестриктивный режим для ее нарушителей. П. 11 Резолюции определил создание Контртеррористического комитета (далее — КТК ООН), на который была возложена обязанность обеспечить контроль за государствами — членами Резолюции № 1373 (2001 г.) по вопросу ее исполнения, а также закрепил право государств на обращение в КТК ООН за получением соответствующей технической помощи [10].

Кроме того, пример организации противодействия терроризму в рамках ООН чрезвычайно важен для изучения институционализации евразийской контртеррористической политики тем, что этот процесс изначально рассматривался экспертами ООН как системный и многовекторный, требующий урегулирования проблемы двойных стандартов, пресечения финансирования террористических структур, противодействия в электронно-информационной среде и т. д. К тому же практика КТК ООН продемонстрировала эффективность такой модели институционализации контртеррористической политики, в рамках которой системные угрозы (а современный терроризм приобретает все более сетевой характер) требуют также системного противодействия, в том числе проведения адекватной коллективной антитеррористической правовой политики.

С учетом мирового опыта ООН унификация антитеррористического законодательства становится важнейшей предпосылкой к успешной институционализации борьбы с терроризмом и на евразийском пространстве. Особое место в этом вопросе занимает Договор о коллективной безопасности (далее — ДКБ) от 15 мая 1992 г. между Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном. Позднее к Договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия¹. В 2002 г. сложившаяся за десять лет существования ДКБ потребность в совершенствовании его организационной структуры определила трансформацию ДКБ в международную региональную организацию — ОДКБ. Главной задачей организации стало объединение коллективных усилий для достойного противостояния международному терроризму и экстремизму (ст. 8 Договора), в рамках которого значимое место заняла унификация и гармонизация контртеррористического законодательства на евразийском пространстве.

При этом важно заметить, что процесс унификации антитеррористического законодательства не тождественен понятию «гармонизация законодательства». Так, под унификацией, как правило, подразумевается сближение, стремление достичь единообразия содержания нормативно-правовых актов, а в качестве гармонизации законодательства рассматриваются юридические процедуры, направленные на достижение согласия и взаимодополняющего сочетания частей в целом [5]. Например, если мы сравним определения

¹ В настоящее время ОДКБ объединяет шесть государств — Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан.

терроризма или террористического акта в уголовных кодексах Армении, Казахстана и России, то мы заметим выраженное сходство соответствующих формулировок, что является примером целенаправленного курса евразийских государств на унификацию контртеррористического законодательства.

Для институционализации контртеррористической политики важным направлением деятельности ОДКБ с самого начала стали разработка и внедрение типового законодательства, регулирующего коллективные усилия стран ОДКБ по противодействию данным угрозам. Важной вехой в данном направлении работы ОДКБ стало принятие 30 октября 2018 г. Модельного закона «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму», который определил основы государственной политики в сфере информационного противоборства терроризму и экстремизму государств — членов ОДКБ, а также регламентировал общие вопросы организационного и правового обеспечения данной деятельности. Благодаря работе профильных подразделений ОДКБ антитеррористическое законодательство становится все более интегрированным, унифицированным и эффективным с точки зрения правового обеспечения коллективного ответа угрозам терроризма.

В этой связи трудно переоценить роль Модельного закона «О борьбе с терроризмом» от 8 декабря 1998 г., принятого на двенадцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ. Он зафиксировал нормативно-правовое содержание наиболее важных операционных понятий, таких как: терроризм, акт терроризма, террорист, группа террористов, террористическая организация, борьба с терроризмом, контртеррористическая операция, зона проведения контртеррористической операции и др. [1]. Этот положительный опыт послужил последующему принятию на заседаниях Межпарламентской ассамблеи модельных законов «О противодействии организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление актов терроризма на территории других государств» (2004 г.), «О противодействии финансированию терроризма» (2006 г.), «О противодействии терроризму» (2009 г.) и др.

Еще одним значимым элементом правовой институционализации борьбы с терроризмом на евразийском пространстве явилось соглашение стран — членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (2009 г.), в котором было дано рабочее определение информационного терроризма. Согласно документу, информационный терроризм заключается в использовании информационных ресурсов и (или) в воздействии на них в информационном пространстве в террористических целях [8].

Для изучения второй составляющей в процессе институционализации контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве проанализируем деятельность главных международных и региональных институтов обеспечения контртеррористической безопасности — ОДКБ, Комитета секретарей советов безопасности (далее — КССБ) — консультативного и исполнительного органа ОДКБ по вопросам координации взаимодействия государств-членов в области обеспечения их национальной безопасности, АТЦ СНГ и РАТС ШОС.

ОДКБ, а также Рабочая группа экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом при КССБ являются, пожалуй, ключевой структурой, обеспечивающей противостояние террористической угрозе на евразийском пространстве. В соответствии со ст. 8 Устава ОДКБ государства-члены должны скооперироваться для организации противостояния террористическим и экстремистским вызовам. Совместная деятельность в рамках ОДКБ проходит непосредственно при взаимодействии государств со специализированными подразделениями Секретариата ОДКБ — Управления противодействия вызовам и угрозам. В ноябре 2004 г. было принято решение КССБ о создании при нем рабочих групп экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и незаконной миграцией.

В настоящее время ОДКБ можно охарактеризовать как единственную на евразийском пространстве международную структуру, которая имеет в своем арсенале полный набор рабочих коллективных возможностей поддержания безопасности государств — членов ДКБ. Такая оценка основывается на том, что в рамках ОДКБ осуществляется практическая координация внешнеполитической деятельности, которая неукоснительно строится на основе коллективных указаний постоянных представителей членов ОДКБ. Иными словами, речь идет о полноценной действующей системе кризисного реагирования, при этом главным направлением деятельности на перспективу становится развитие действующих элементов

системы координации коллективных действий по противодействию террористическим угрозам на пространстве СНГ и, следовательно, евразийских государств.

Характеризуя в целом антитеррористическую деятельность ОДКБ в настоящее время, следует отметить ее центральное положение в структуре обеспечения безопасности от террористических угроз на интегрирующемся евразийском пространстве. Оценивая планы работы антитеррористических структур ОДКБ, особое внимание следует уделить реализации Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., предусматривающей участие Организации в консолидации усилий в борьбе с международным терроризмом и связанным с ним экстремизмом [9].

АТЦ СНГ, как и ОДКБ, является ключевым постоянно действующим специализированным отраслевым органом СНГ, служащим целям координации взаимодействия компетентных органов государств СНГ в сфере противодействия международному терроризму, различным проявлениям экстремизма [6]. Актуальным программным документом в настоящее время является Программа на 2020–2022 гг. Анализ этого документа позволяет говорить о широте и глубине плана работ на данный период: от чисто организационно-правовых и организационно-практических мероприятий до дальнейшего совершенствования информационного и аналитического обеспечения контртеррористической и экстремистской деятельности на территории СНГ и развития материально-технической составляющей в деятельности АТЦ СНГ [4].

Исходя из прикладных задач работы АТЦ СНГ, Антитеррористический центр обеспечивает тесную кооперацию с различными органами СНГ (в первую очередь это Исполнительный комитет), ведет коллективную работу с различными Советами СНГ и иными подразделениями. Более того, Центр обеспечивает продуктивное взаимодействие с партнерами по международному антитеррористическому сообществу, в числе которых Исполнительный директор Контртеррористического комитета Совета безопасности ООН, Международная организация уголовной полиции ИНТЕРПОЛ, Управление ООН по наркотикам и преступности, Департамент транснациональных угроз Секретариата ОБСЕ, Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры ШОС, органы ОДКБ и др. [2]. Механизмы и тактики совместных действий, направленных на минимизацию террористической угрозы, в Антитеррористическом центре проходят системно организованную проверку в режиме совместных учений (тренировочных спецопераций). В целом за время деятельности АТЦ СНГ под его началом были проведены шестнадцать коллективных антитеррористических учений [29, с. 38].

Наконец, ПАТС ШОС — также значимая антитеррористическая структура на евразийском пространстве, являющаяся постоянно действующим органом. В рамках ШОС ПАТС предназначена для содействия, координации и взаимодействия соответствующих специализированных инстанций (компетентных органов) государств — членов ШОС по вопросам противодействию угрозам терроризма, экстремизма и сепаратизма [3]. Важно отметить, что идейная платформа этого центрального внутриорганизационного органа ШОС была определена в терминах сплочения и укрепления сотрудничества соответствующих компетентных органов ШОС по вопросам противодействия терроризму и экстремизму.

К числу главных задач, стоящих перед ПАТС ШОС, определяющих институциональный потенциал ее деятельности, следует отнести следующие: разработка предложений и рекомендаций по вопросам развития сотрудничества в борьбе с терроризмом; систематическое скоординированное наполнение банка данных ПАТС ШОС о международных террористических организациях; всестороннее содействие в разработке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений; участие в разработке международно-правовых документов по антитеррористической проблематике [7].

Оценивая деятельность ПАТС ШОС, можно констатировать, что на сегодняшний день антитеррористическая структура соответствует характеристике, данной этой организации директором Исполкома ПАТС ШОС Е. С. Сысоевым еще несколько лет назад: ПАТС ШОС является надежным каркасом региональной системы безопасности, формирующим подходы к результативному межгосударственному сотрудничеству, позволяющему объединить в рамках коллективной работы в ШОС достаточные усилия для совместного решения важнейших задач [14].

До недавнего времени ШОС пренебрегала сотрудничеством с ОДКБ. Несмотря на то, что в октябре 2007 г. секретариаты двух организаций подписали меморандум о взаимопонимании, взаимодействие

между ними не подкреплялось конкретными практическими мерами и существовало только на бумаге [31]. Более того, считает политолог А. А. Казанцев, в экспертном сообществе сложилось мнение о том, что реализация КНР своих планов обеспечения безопасности Таджикистана подрывала механизмы ОДКБ [18].

Как бы то ни было, 27 сентября 2010 г. в Пекине РФ и КНР подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В конце 2015 г. между ними была достигнута договоренность о расширении взаимодействия в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В том же году РФ и КНР подписали соглашение по международной информационной безопасности, которое, в частности, предусматривало совместную борьбу с использованием ИКТ в террористических целях. 27 февраля 2017 г. в Москве состоялся второй раунд российско-китайских консультаций по вопросу борьбы с терроризмом на уровне заместителей министров иностранных дел. Стороны зафиксировали общее понимание важности создания широкого антитеррористического фронта в борьбе с ИГИЛ, Исламским движением Восточного Туркестана и другими террористическими организациями¹, принятия комплексных мер по противодействию феномену иностранных террористов-боевиков и радикализации уязвимых слоев населения, в частности, в контексте минимизации рисков для ЦА². В конце 2017 г. стороны высоко оценили достигнутый к тому времени уровень двусторонней координации в вопросах борьбы с международным терроризмом и отметили необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия на данном направлении³.

Говоря о перспективах российско-китайского сотрудничества в ЦА, ведущие российские эксперты поднимали вопрос о необходимости расширения взаимодействия ШОС и ОДКБ в противодействии взаимосвязанным вызовам безопасности — религиозному экстремизму, сепаратизму, терроризму, наркоторговле. Они также призывали к созданию механизмов подключения стран ШОС (КНР) к операциям ОДКБ «Канал» (антинаркотическая) и «Прокси» (противодействие экстремизму в информационной сфере, прежде всего в сети Интернет) [17, с. 47–48].

С течением времени сложилась практика, в соответствии с которой Генеральный секретарь ОДКБ ежегодно принимает участие в саммитах СНГ и ШОС, а Исполнительный секретарь СНГ и Генеральный секретарь ШОС — в заседаниях Совета коллективной безопасности ОДКБ. Высокие должностные лица ОДКБ, СНГ и ШОС на взаимной основе принимают участие в проводимых организациями конференциях, круглых столах, рабочих совещаниях и консультациях. Происходит обмен информацией, планами работ, графиками проведения мероприятий, справочными, информационно-аналитическими и другими материалами и документами, представляющими взаимный интерес [24].

28 мая 2018 г. был подписан «Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества и взаимодействия» между Секретариатом ОДКБ, Исполкомом РАТС ШОС и Антитеррористическим центром СНГ. Согласно документу стороны на основе взаимности обязались информировать друг друга «об актуальных вызовах и угрозах террористического и (или) экстремистского характера, результатах своей деятельности в области борьбы с терроризмом и экстремизмом, проводимых и планируемых мероприятиях антитеррористической и (или) антиэкстремистской направленности». Вскоре, отмечал эксперт-международник Валерий Окнянский, была создана и приступила к работе постоянно действующая трехсторонняя «Экспертная группа», в рамках которой, в частности, обсуждались вопросы международной и региональной безопасности, в том числе угрозы безопасности, исходящие от международных террористических организаций, находящихся на территории Афганистана, и принимаемые меры по их нейтрализации [Там же].

4 сентября 2020 г. в подмосковном парке «Патриот» министр обороны России С. К. Шойгу провел совместное заседание глав военных ведомств двенадцати стран в формате ОДКБ, СНГ и ШОС — пер-

¹ Деятельность организаций в РФ запрещена.

² О консультациях заместителя министра иностранных дел России О. В. Сыромолотова с помощником министра иностранных дел КНР Ли Хуэйлаем по вопросу борьбы с терроризмом [Электронный ресурс] // МИД РФ. 27 февраля. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5lZsLVsX4R/content/id/2659572 (дата обращения: 20.11.2020).

³ О беседе заместителя министра иностранных дел России О. В. Сыромолотова со спецпредставителем КНР по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом Чэн Гопином [Электронный ресурс] // МИД РФ. 2017. 14 ноября. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2948508 (дата обращения: 20.11.2020).

вую встречу такого уровня в истории международных контактов. При этом он выразил уверенность, что международное военное сотрудничество после этой встречи активизируется, а итоги заседания станут прочной основой для углубления взаимодействия оборонных ведомств стран-участниц¹. Стороны обсудили вопросы международной и региональной безопасности, консолидацию усилий по предотвращению угрозы развязывания войн и вооруженных конфликтов, дальнейшее укрепление военного сотрудничества в современных условиях. Отдельной темой разговора стала ситуация вокруг Афганистана. Генеральный секретарь ШОС В. И. Норов указал на важность дальнейшего расширения сотрудничества по линии РАТС ШОС с профильными структурами ОДКБ и СНГ в целях разрушения пропагандистско-вербовочной инфраструктуры террористических организаций, в том числе в сети Интернет, пресечения любых каналов их ресурсной подпитки, устранения возможных рисков биотерроризма².

Совместные задачи по борьбе с терроризмом отрабатывались в период с 21 по 26 сентября на стратегических командно-штабных учениях (СКШУ) «Кавказ-2020». В них, помимо России, участвовали Армения, Белоруссия, Китай, Мьянма и Пакистан, которые в совокупности делегировали 858 чел. Пять государств — Азербайджан, Индия, Индонезия, Казахстан и Иран — направили на «Кавказ-2020» своих наблюдателей. Впервые в ходе СКШУ ОДКБ, ШОС и СНГ провели совместные учения по борьбе с международным терроризмом. Фактически учения стали площадкой для создания нового формата военного сотрудничества трех самых влиятельных евразийских международных организаций. В этой связи директор по развитию Фонда содействия технологиям XXI в. И. П. Коновалов отмечал переход военного сотрудничества ОДКБ, ШОС и СНГ в практическую плоскость, что, по его мнению, могло оказать «решающее влияние на общую военно-политическую конфигурацию на евразийском пространстве и изменить баланс сил с упором на решение проблем региональной безопасности без вмешательства неевразийских акторов» [20].

В качестве отдельного перспективного формата антитеррористической кооперации на пространстве Евразии следует также назвать «Евразийскую антитеррористическую инициативу» (ЕАИ), способную стать для ЕАЭС такой антитеррористической стратегией, которая, будучи адаптивной, позволит учитывать как фактор прозрачности современных государственных границ для террористических угроз, так и защитить эти государства от различных геополитических манипуляций. Иначе говоря, выдвижение странами ЕАЭС региональной антитеррористической инициативы позволит им в глобальной антитеррористической борьбе выступать в роли субъектов, а не объектов политики [15].

В этой связи большую значимость приобретает вопрос о базовых элементах ЕАИ. По мнению российского политолога Д. Г. Евстафьева, важнейшими из них могли бы стать следующие: подтверждение национального суверенитета как неотъемлемого условия антитеррористической политики; создание интегрированной инфраструктуры, способной контролировать информационное пространство; составление единого перечня всех террористических организаций (актуальная база); реализация совместных программ обучения сотрудников специальных подразделений и др. [Там же]

Представляется, что реализация ЕАИ, призванной скорректировать деятельность и созданного в 2000 г. АТЦ СНГ, позволила бы задействовать более активно научно-экспертный потенциал в проработке контртеррористических мер, а также в целом расширить и углубить институциональные компоненты борьбы с терроризмом на евразийском пространстве. Действительно, принимая во внимание прозрачность границ в свете развития информационных технологий и снижения различных контрольно-таможенных мер в рамках набирающей обороты евразийской интеграции, ЕАИ может стать основой антитеррористической стратегии ЕАЭС [30] и реализации превентивных мер по стабилизации политической ситуации в регионе. Реализация ЕАИ также поспособствует дальнейшей институционализации единой евразийской контртеррористической политики на всех уровнях: от военно-дипломатических вопросов и защиты транспортных артерий, столь необходимых для экономической интеграции Евразии [13], до участия гражданского общества в решении уравнения под названием «террористическая угроза».

¹ На повестке — консолидированные подходы к обеспечению безопасности [Электронный ресурс] // Звезда. 2020. 7 сентября. URL: <http://redstar.ru/na-povestke-konsolidirovannyye-podhody-k-obespecheniyu-bezopasnosti/> (дата обращения: 15.01.2021).

² В Подмоскovie проходит первая совместная встреча министров обороны государств ШОС, СНГ и ОДКБ [Электронный ресурс] // ПА ОДКБ. 2020. 4 сентября. URL: <https://paodkb.org/events/v-podmoskovie-prohodit-pervaya-sovmestnaya-vstrecha-ministrov> (дата обращения: 15.01.2021).

Таким образом, террористические угрозы на евразийском пространстве можно охарактеризовать как высокопотенциальные и требующие адекватных мер со стороны специализированных организаций и научно-экспертного сообщества. Институционализация контртеррористического сотрудничества на евразийском пространстве соответствует эффективному решению такой задачи. Важнейшими институционализирующими принципами взаимодействия евразийских государств в совместной борьбе с терроризмом становятся деятельность специализированных институтов обеспечения безопасности от террористических угроз, обеспечение равноправного и непрерывного участия государств в межгосударственном диалоге, унификация и гармонизация антитеррористического законодательства.

Анализ деятельности Антитеррористического комитета СНГ, ПАТС ШОС и ОДКБ (в том числе Рабочей группы экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом при КССБ) позволяет комплексно оценить эффективность существующих институциональных механизмов противодействия терроризму на евразийском пространстве, а также суммировать достижения и проблемные вопросы в данной области.

Во-первых, на сегодняшний день на евразийском пространстве создана сеть достаточно эффективных контртеррористических структур, деятельность которых обеспечена развитой унифицированной нормативно-правовой базой. Российская Федерация выступает в качестве гаранта геополитической стабильности и защиты от трансграничной экспансии терроризма в Евразии. Фактически она выступает организационным ядром процесса институционализации контртеррористического сотрудничества в форматах СНГ, ОДКБ и ШОС.

Во-вторых, структурный анализ существующих институциональных механизмов и методов противодействия терроризму и экстремизму свидетельствует о близости организационной, идейной и технической составляющих СНГ, ОДКБ и ШОС. Это создает благоприятные условия не только для дальнейшего укрепления межструктурной кооперации, но и создания на основе этих центров более мощных укрупненных контртеррористических структур — новой институциональной системы противодействия терроризму. Возможно предположить, что также имеются основания для их объединения в единую глобальную организацию обеспечения коллективной безопасности в области борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Такой тенденции соответствует уже практикующийся уникальный формат работы постоянно действующей Трехсторонней экспертной группы АТЦ СНГ, Исполнительного комитета ПАТС ШОС и Секретариата ОДКБ по вопросам борьбы с международным терроризмом и экстремизмом. Так, 8 октября 2020 г. в штаб-квартире Антитеррористического центра государств — участников СНГ в Москве под председательством Исполнительного комитета ПАТС ШОС состоялось уже четвертое заседание группы. В рамках этой трехсторонней встречи было выражено совпадение позиций организаций по актуальным вопросам международной и региональной безопасности и обозначена необходимость синхронизации практических мер ШОС, СНГ и ОДКБ на контртеррористическом треке.

Тем не менее проблема дальнейшей институционализации контртеррористической деятельности на евразийском пространстве не лишена множества серьезных противоречий, например, связанных со сложностями в двусторонних межгосударственных отношениях (Россия — Украина, Армения — Азербайджан и т. д.).

Также следует отметить, что, несмотря на все достижения в противодействии терроризму и экстремизму на национальном и межгосударственном региональном уровне, к числу наиболее проблемных вопросов относится (и, скорее всего, эта тенденция лишь усилится) выработка опережающих потенциал террористов мер профилактики и оперативного реагирования на террористические вызовы, обусловленные ростом глобальной нестабильности, кризисом неолиберальной модели мировой экономики и институтов глобального управления, а также процессами социально-политической дестабилизации на территории ЦА и Ближнего Востока. Возможно, практическая реализация ЕАИ позволит в долгосрочной перспективе смягчить деструктивное влияние этих проблем. Так или иначе, дальнейшая судьба контртеррористической политики на евразийском пространстве уже сегодня во многом определяется качеством ее институционализации.

Литература

1. Модельный закон о борьбе с терроризмом (принят в г. Санкт-Петербурге 08.12.1998 Постановлением 12–7 на 12-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17294 (дата обращения: 12.01.2021).
2. Об АТЦ СНГ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Антитеррористического центра СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/132> (дата обращения: 20.11.2020).
3. О деятельности ПАТС ШОС [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАТС ШОС. URL: <http://ecrats.org/ru/news/activity/> (дата обращения: 23.11.2020).
4. Программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы [Электронный ресурс] (утв. Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств о Программе сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2020–2022 годы от 11 октября 2019 г.) // Официальный сайт АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1291/1334> (дата обращения: 26.11.2020).
5. Рекомендации по унификации и гармонизации национального законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с терроризмом [Электронный ресурс] (приняты на 27-м Пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ Постановлением № 27-6 от 16 ноября 2006 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902050862> (дата обращения: 12.01.2021).
6. Решение Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 г. «О создании Антитеррористического центра государств — участников Содружества Независимых Государств» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/188> (дата обращения: 11.10.2020).
7. Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (с изменениями на 16 августа 2007 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858897> (дата обращения: 27.11.2020).
8. Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. Екатеринбург, 16 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1979 (дата обращения: 11.10.2020).
9. Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. Утверждена Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14 октября 2016 г. [Электронный ресурс] // ОДКБ. 2016. 18 октября. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezопасnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti_na_period_do/ (дата обращения: 25.11.2020).
10. Resolution 1373 (2001). Adopted by the Security Council at Its 4385th Meeting, on 28 September 2001 [Электронный ресурс]. URL: [https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20\(2001\)%20E.pdf](https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20(2001)%20E.pdf) (дата обращения: 31.12.2020).
11. *Абрамов А.* Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // *Власть*. 2010. № 5. С. 53–55.
12. *Бельский В. Ю., Олейник В. И.* Сетевой терроризм как угроза международной безопасности // *Социально-гуманитарные знания*. 2012. № 6. С. 121–127.
13. *Бетке С. А.* Перспективы развития международных соглашений ЕАЭС о противодействии терроризму и обеспечению безопасности на транспорте // *Наука через призму времени*. 2018. № 11 (20). С. 98–102.
14. Евгений Сысоев: европейцы считают ПАТС ШОС успешной площадкой противодействия терроризму [Электронный ресурс] // ТАСС. 2016. 24 июня. URL: <https://tass.ru/interviews/3395487> (дата обращения: 24.11.2020).
15. *Евстафьев Д.* Евразийская антитеррористическая инициатива [Электронный ресурс] // *Евразия. Эксперт*. 2016. 25 июля. URL: <https://eurasia.expert/evraziyskaya-antiterroristicheskaya-initsiativa/> (дата обращения: 14.01.2021).

16. Жалыбин С. В. Юридическая институционализация современной российской антитеррористической политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 25 с.
17. Казанцев А. А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии / А. А. Казанцев, И. Д. Звягельская, Е. М. Кузьмина, С. Г. Лузянин / гл. ред. И. С. Иванов. М. : НП РСМД, 2016. 52 с.
18. Казанцев А. А. Отзыв внутреннего рецензента на кандидатскую диссертацию Фань Сюэсуна «Взаимодействие России и Китая в сфере региональной безопасности в Центральной Азии: механизмы и стратегии» [Электронный ресурс] // МГИМО Университет. 2018. 26 декабря. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/Fan_otzyv_Kazantzev.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
19. Кефели И. Ф. Большая Евразия: цивилизационное пространство и проектирование будущего // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 3 (25). С. 60–68.
20. Коновалов И. П. «Кавказ-2020» дал старт новому формату военного сотрудничества [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 2020. 24 сентября. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-09-24/3_1110_caucasus2020.html (дата обращения: 15.01.2021).
21. Кофнер Ю. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции. I [Электронный ресурс] // РСМД. 2019. 6 января. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-i/> (дата обращения: 15.01.2021).
22. Кравченко И. Какой будет политика США в Евразии после выборов [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. 2016. 8 ноября. URL: <https://eurasia.expert/politika-ssha-v-evrazii-posle-vyborov/> (дата обращения: 15.01.2021).
23. Манойло А. ШОС создает универсальный центр по противодействию новым вызовам и угрозам [Электронный ресурс] // Мировое обозрение. 2019. 27 мая. URL: <https://tehnovar.ru/105986-shos-sozdaet-universalnyj-centr-po-protivodejstviyu-novym-vyzovam-i-ugrozam.html> (дата обращения: 06.01.2021).
24. Окнянский В. О сотрудничестве ОДКБ с СНГ и ШОС [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2020. 29 июня. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26794> (дата обращения: 15.01.2021).
25. Оправдание евразийской интеграции / гл. ред. А. А. Мухин М. : Издательство Алгоритм, 2015. 224 с.
26. Пинчук А. Ю. Институционализация антитеррористической деятельности в рамках Организации Объединенных Наций // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 70–73.
27. Рева С. И. Институционализация международного сотрудничества как метод противодействия террористической угрозе // Вестник Киргизско-Российского славянского университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 19–23.
28. Рыбакова М. В., Паламарчук А. В. Евразийский регион: теоретический аспект интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 103–109.
29. Ступаков Н. В., Арефьев А. М., Мареев П. Л. Иностранцы боевики-террористы — отвечая на современные вызовы : научный доклад НИИПБ СНГ и АТЦ СНГ на Конференции высокого уровня. 11–12 февраля 2020 г. Штаб-квартира ОБСЕ в Вене // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 1. С. 24–44.
30. УЕАЭС будет своя антитеррористическая стратегия [Электронный ресурс] // Евразийский мониторинг. Центр аналитических исследований. 2018. 25 июня. URL: <http://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/u-eaes-budet-svoya-antiterroristicheskaya-strategiya> (дата обращения: 15.01.2021).
31. Чаоцин В. Сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС // Теория и практика общественно-го развития. 2014. № 21. С. 175–178.
32. Шумилов М. М. Социальные последствия глобализации // Теоретический журнал Credo New. 2007. № 4 (52). С. 102–130.
33. Шумилов М. М., Исаев А. П., Гуркин А. Б. Афганская наркоугроза и меры противодействия ей в контексте реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. // Управленческое консультирование. Научно-практический журнал СЗИУ РАНХиГС. 2015. № 3 (75). С. 26–36.
34. Fettweis J. Christopher. Eurasia, the “World Island”: Geopolitics, and Policymaking in the 21st Century [Электронный ресурс] // Global Research, March 14, 2006. URL: <https://www.globalresearch.ca/>

- eurasia-the-world-island-geopolitics-and-policymaking-in-the-21st-century/2095 (дата обращения: 14.12.2020).
35. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? // *Journal of Eurasian Studies*. 2010. Vol. 1. Is. 1. Pp. 26–32.
36. Global Terrorism Index 2019. Measuring the Impact of Terrorism (Русифицировано авторами статьи) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/08/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 04.01.2021).
37. *Muscara L. Gottmann's Geographic Glossa // GeoJournal*. 2000. 52 (4). Pp. 285–293.

Об авторах:

Карпенко Юлия Олеговна, магистрант Факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); juliafogos@gmail.com

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; mshumilov@mail.ru

References

1. Model'nyi zakon o bor'be s terrorizmom (prinyat v g. Sankt-Peterburge 08.12.1998 Postanovleniem 12–7 na 12-m plenarnom zasedanii Mezhpaparlamentskoi Assamblei gosudarstv — uchastnikov SNG) [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17294 (data obrashcheniya: 12.01.2021).
2. Ob ATTs SNG [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait Antiterroristicheskogo tsentra SNG. URL: <https://www.cisatc.org/132> (data obrashcheniya: 20.11.2020).
3. O deyatel'nosti RATS ShOS [Elektronnyi resurs] // Ofitsial'nyi sait RATS ShOS. URL: <http://ecrats.org/ru/news/activity/> (data obrashcheniya: 23.11.2020).
4. Programma sotrudnichestva gosudarstv — uchastnikov SNG v bor'be s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma na 2020–2022 gody [Elektronnyi resurs] (utv. Resheniem Soveta glav gosudarstv Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv o Programme sotrudnichestva gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v bor'be s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma na 2020–2022 gody ot 11 oktyabrya 2019 g.) // Ofitsial'nyi sait ATTs SNG. URL: <https://www.cisatc.org/1291/1334> (data obrashcheniya: 26.11.2020).
5. Rekomendatsii po unifikatsii i garmonizatsii natsional'nogo zakonodatel'stva gosudarstv — uchastnikov SNG v sfere bor'by s terrorizmom [Elektronnyi resurs] (prinyaty na 27-m Plenarnom zasedanii Mezhpaparlamentskoi assamblei gosudarstv — uchastnikov SNG Postanovleniem № 27-6 ot 16 noyabrya 2006 goda). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902050862> (data obrashcheniya: 12.01.2021).
6. Reshenie Soveta glav gosudarstv SNG ot 21 iyunya 2000 g. «O sozdanii Antiterroristicheskogo tsentra gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv» [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.cisatc.org/132/166/188> (data obrashcheniya: 11.10.2020).
7. Soglashenie mezhdru gosudarstvami — chlenami Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva o Regional'noi antiterroristicheskoi strukture (s izmeneniyami na 16 avgusta 2007 goda) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901858897> (data obrashcheniya: 27.11.2020).
8. Soglashenie mezhdru pravitel'stvami gosudarstv — chlenov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti. Ekaterinburg, 16 iyunya 2009 g. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1979 (data obrashcheniya: 11.10.2020).
9. Strategiya kollektivnoi bezopasnosti ODKB na period do 2025 g. Utverzhdena Resheniem Soveta kollektivnoi bezopasnosti ODKB ot 14 oktyabrya 2016 g. [Elektronnyi resurs] // ODKB. 2016. 18 oktyabrya. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do/ (data obrashcheniya: 25.11.2020).

10. Resolution 1373 (2001). Adopted by the Security Council at Its 4385th Meeting, on 28 September 2001 [Elektronnyi resurs]. URL: [https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20\(2001\)%20E.pdf](https://www.un.org/ruleoflaw/files/UN%20SC%20Res%201373%20(2001)%20E.pdf) (data obrashcheniya: 31.12.2020).
11. Abramov A. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii // *Vlast'*. 2010. № 5. S. 53–55.
12. Bel'skii V. Yu., Oleinik V. I. Setevoi terrorism kak ugroza mezhdunarodnoi bezopasnosti // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2012. № 6. S. 121–127.
13. Betke S. A. Perspektivy razvitiya mezhdunarodnykh soglashenii EAES o protivodeistvii terrorizmu i obespecheniyu bezopasnosti na transporte // *Nauka cherez prizmu vremeni*. 2018. № 11 (20). S. 98–102.
14. Evgenii Sysoev: evropeitsy schitayut RATS ShOS uspezhnoi ploshchadkoj protivodeistviya terrorizmu [Elektronnyi resurs] // TASS. 2016. 24 iyunya. URL: <https://tass.ru/interviews/3395487> (data obrashcheniya: 24.11.2020).
15. Evstaf'ev D. Evraziyskaya antiterroristicheskaya initsiativa [Elektronnyi resurs] // *Evraziya. Ekspert*. 2016. 25 iyulya. URL: <https://eurasia.expert/evraziyskaya-antiterroristicheskaya-initsiativa/> (data obrashcheniya: 14.01.2021).
16. Zhalybin S. V. Yuridicheskaya institutsionalizatsiya sovremennoi rossiiskoi antiterroristicheskoi politiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 23.00.02. Rostov-na-Donu, 2006. 25 s.
17. Kazantsev A. A. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Azii / A. A. Kazantsev, I. D. Zvyagel'skaya, E. M. Kuz'mina, S. G. Luzyanin / gl. red. I. S. Ivanov. M. : NP RSMD, 2016. 52 s.
18. Kazantsev A. A. Otzyv vnutrennego retsenzenta na kandidatskuyu dissertatsiyu Fan' Syuesuna «Vzaimodeistvie Rossii i Kitaya v sfere regional'noi bezopasnosti v Tsentral'noi Azii: mekhanizmy i strategii» [Elektronnyi resurs] // MGIMO Universitet. 2018. 26 dekabrya. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/Fan_otzyv_Kazantzev.pdf (data obrashcheniya: 14.01.2021).
19. Kefeli I. F. Bol'shaya Evraziya: tsivilizatsionnoe prostranstvo i proektirovanie budushchego // *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2018. № 3 (25). S. 60–68.
20. Konovalov I. P. «Kavkaz-2020» dal start novomu formatu voennogo sotrudnichestva [Elektronnyi resurs] // *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 2020. 24 sentyabrya. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-09-24/3_1110_caucasus2020.html (data obrashcheniya: 15.01.2021).
21. Kofner Yu. Bol'shaya Evraziya. Teoriya evraziiskoi integratsii. I [Elektronnyi resurs] // RSMD. 2019. 6 yanvarya. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoy-integratsii-i/> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
22. Kravchenko I. Kakoi budet politika SShA v Evrazii posle vyborov [Elektronnyi resurs] // *Evraziya. Ekspert*. 2016. 8 noyabrya. URL: <https://eurasia.expert/politika-ssha-v-evrazii-posle-vyborov/> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
23. Manoilo A. ShOS sozdaet universal'nyi tsentr po protivodeistviyu novym vyzovam i ugrozam [Elektronnyi resurs] // *Mirovoe obozrenie*. 2019. 27 maya. URL: <https://tehowar.ru/105986-shos-sozdaet-universalnyj-centr-po-protivodejstviyu-novym-vyzovam-i-ugrozam.html> (data obrashcheniya: 06.01.2021).
24. Oknyanskii V. O sotrudnichestve ODKB s SNG i ShOS [Elektronnyi resurs] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2020. 29 iyunya. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26794> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
25. Opravdanie evraziiskoi integratsii / gl. red. A. A. Mukhin M. : Izdatel'stvo Algoritm, 2015. 224 s.
26. Pinchuk A. Yu. Institutizatsiya antiterroristicheskoi deyatelnosti v ramkakh Organizatsii Ob'edinennykh Natsii // *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2018. № 6. S. 70–73.
27. Reva S. I. Institutizatsiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva kak metod protivodeistviya terroristicheskoi ugroze // *Vestnik Kirgizsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta*. 2008. T. 8. № 7. S. 19–23.
28. Rybakova M. V., Palamarchuk A. V. Evraziiskii region: teoreticheskii aspekt integratsionnykh protsessov // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2017. № 2. S. 103–109.
29. Stupakov N. V., Aref'ev A. M., Mareev P. L. Inostrannye boeviki-terroristy — otvechaya na sovremennye vyzovy : nauchnyi doklad NIIPB SNG i ATTS SNG na Konferentsii vysokogo urovnya. 11–12 fevralya 2020 g.

- Shtab-kvartira OBSE v Vene // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2020. № 1. S. 24–44.
30. U EAES budet svoya antiterroristicheskaya strategiya [Elektronnyi resurs] // Evraziiskii monitoring. Tsentr analiticheskikh issledovaniy. 2018. 25 iyunya. URL: <http://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/uaes-budet-svoya-antiterroristicheskaya-strategiya> (data obrashcheniya: 15.01.2021).
 31. Chaotsin V. Sotrudnichestvo v oblasti bezopasnosti v ramkakh ShOS // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 21. S. 175–178.
 32. Shumilov M. M. Sotsial'nye posledstviya globalizatsii // Teoreticheskii zhurnal Credo New. 2007. № 4 (52). S. 102–130.
 33. Shumilov M. M., Isaev A. P., Gurkin A. B. Afganskaya narkougroza i mery protivodeistviya ei v kontekste realizatsii Strategii gosudarstvennoi antinarkoticheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii do 2020 g. // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Nauchno-prakticheskii zhurnal SZIU RANKhiGS. 2015. № 3 (75). S. 26–36.
 34. Fettweis J. Christopher. Eurasia, the “World Island”: Geopolitics, and Policymaking in the 21st Century [Elektronnyi resurs] // Global Research, March 14, 2006. URL: <https://www.globalresearch.ca/eurasia-the-world-island-geopolitics-and-policymaking-in-the-21st-century/2095> (data obrashcheniya: 14.12.2020).
 35. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? // Journal of Eurasian Studies. 2010. Vol. 1. Is. 1. Pp. 26–32.
 36. Global Terrorism Index 2019. Measuring the Impact of Terrorism (Rusifitsirovano avtorami stat'i) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/08/GTI-2019web.pdf> (data obrashcheniya: 04.01.2021).
 37. Muscara L. Gottmann's Geographic Glossa // GeoJournal. 2000. 52 (4). Pp. 285–293.

About the authors:

Julia O. Karpenko, Master's Degree Student of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); juliafogoso@gmail.com

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management — Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; mshumilov@mail.ru